На вопросы редакции журнала «ЗАКОН» отвечает доктор юридических наук **Алексей Станиславович ИСПОЛИНОВ**

СЛУХИ О СМЕРТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА СИЛЬНО ПРЕУВЕЛИЧЕНЫ

Эксперт по международному праву, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) Министерства экономического развития Российской Федерации. С 2014 года ведет собственный блог на портале «Закон.ру». Автор более 120 научных работ.

— Этот номер посвящен праву Индии. Можно ли выделить какую-то специфику этой страны в области международного права?

— Я не могу себя отнести к знатокам права Индии, но отмечу своеобразный и интересный, в том числе для российских читателей, подход этой страны к ряду чувствительных вопросов современного международного права. Например, у Индии совершенно особая позиция в отношении современного инвестиционного арбитража, чей кризис сейчас активно обсуждается как государствами, так и в научной литературе. Более того, активное развитие получила идея создания такого арбитража в рамках БРИКС, но у всех стран, входящих в это объединение, разный взгляд на то, как должен работать этот институт. У Индии в этом вопросе тоже особая позиция. В 2015 году после ряда проигранных в арбитраже споров Индия расторгла более 60 двусторонних соглашений с другими государствами (в том числе и соглашение с РФ) и приняла

Loaded: 09-10-2025 AMt 04:58:09

новое, более жесткое для инвесторов типовое соглашение о защите иностранных инвестиций, например без традиционного предоставления инвесторам режима наибольшего благоприятствования и справедливого и равноправного режима. При сохранении арбитража как механизма для рассмотрения споров между инвесторами и государством новое типовое соглашение восстанавливает обязанность инвестора пытаться до обращения в арбитраж сначала исчерпать внутренние средства защиты на протяжении пяти лет с момента нарушения его прав. Представители арбитражного сообщества гордятся тем, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты сегодня не применяется в инвестиционном арбитраже. Индия в числе первых вернула это требование, а также ввела новые требования при расчете арбитрами суммы компенсации, присуждаемой инвестору. В договорах многих других стран таких положений нет, и арбитры этим пользуются, присуждая заоблачные суммы компенсаций. Согласно новым требованиям Индии инвестор, участвующий в споре, всегда несет бремя установления того, что он понес фактические, а не предполагаемые убытки в результате противоправного деяния государства и что такие потери были предсказуемы и непосредственно вызваны противоправным деянием. В договорах с Индией эта норма имеет характер *lex specialis*, т.е. арбитры становятся связаны положениями договоров, а не нормами обычного права, положениями статей об ответственности государства. Таким образом, Индия напрямую не выражает протест против инвестиционного арбитража как такового, но придерживается очень жесткого подхода о пределах его юрисдикции. Индия гордится своей правовой системой, имеющей многолетнюю историю, поэтому не согласна с мнением сторонников инвестиционного арбитража о том, что национальные суды зачастую некомпетентны и пристрастны. Индия считает, что ее национальная судебная система весьма квалифицированна и развита, поэтому вполне способна защитить интересы и права инвесторов.

Также большой интерес представляет позиция Индии применительно к Международному уголовному суду (МУС). При голосовании о принятии Римского статута Индия воздержалась, а в дальнейшем отказалась подписывать и ратифицировать этот договор. Поскольку голосование стран при принятии Римского статута было конфиденциальным, обосновывать решение не требовалось, но индусы посчитали своим долгом выразить откровенный скепсис в отношении необходимости создания и деятельности МУС.

В частности, в первую очередь их волновал вопрос о принципе комплементарности, который подразумевает, что Международный уголовный суд — это такой *court of last resort*, т.е. суд последней надежды, последнего шанса, а основная роль в наказании виновных за совершение преступлений, которые подпадают под юрисдикцию МУС, отводится национальным судам. МУС принимает дело к производству только тогда, когда национальные суды оказываются не в состоянии привлечь к ответственности виновных. Этот сценарий полностью исключала для себя Индия со своей судебной системой, полагая, что МУС начнет злоупотреблять этими полномочиями, оценивая правильность решений национальных судов. Что, собственно, и происходит сейчас.

— На встрече «Большой двадцатки» премьер-министр Индии сидел с табличкой «Бхарат», а не «Индия». Они решили поменять название страны, не знаете?

— В Конституции Индии в качестве официальных названий признается как «Индия», так и «Бхарат». Преамбула к Конституции начинается словами «Мы, народ Индии...», а в первой части документа говорится: «Индия, то есть Бхарат, является Союзом штатов».

— Какие проблемы международного права Вам кажутся сейчас наиболее острыми?

— Активно обсуждаются два последних консультативных заключения Международного суда ООН (МС ООН) и Межамериканского суда по правам человека (МАСПЧ) по климату. Обращения с запросом на эти заключения поданы еще в 2023 году. Оба запроса касались примерно одних и тех же моментов: какие юридические обязательства несут страны в борьбе с изменениями климата в соответствии с соглашениями по климату (Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 года, Киотский протокол к ней 1997 года и Парижское соглашение по климату 2015 года), а также какими должны быть правовые последствия за нарушения этих обязательств, в том числе в отношении уязвимых государств, которые в скором времени исчезнут из-за поднятия уровня

Loaded: 09-10-2025 AMt 04:58:09

воды в океане. Это прежде всего островные государства Тихого океана, которых лет через 10–20 просто не будет. Что делать с населением? Как это фиксировать в международном праве? За этими вопросами скрывался абсолютно понятный денежный интерес в виде ожиданий: что суды четко скажут, кто должен платить за ущерб, нанесенный рукотворным изменением климата.

В заключениях обоих судов последовательно реализуется идея о том, что основной ущерб климату был нанесен не в последние 20–30 лет, а сильно раньше, начиная со второй половины XIX века, колониальными державами. Таким образом, из-под обязательств по возмещению вреда выводятся новые индустриальные страны второй половины XX века: Индия, Пакистан, Китай, Бразилия и даже США, которые никогда колониями не владели. Остаются только европейские государства, которые уже показали свою готовность покорно сносить любые обвинения и выплачивать компенсации. Таким образом, МАСПЧ и МС ООН заложили основу для предъявления соответствующих требований, и я думаю, что в самом ближайшем будущем они будут реализованы.

В этих заключениях судов также много интересных правовых новаций. МАСПЧ продолжил свою традицию одностороннего признания за некоторыми нормами международного права статуса императивных норм, т.е. норм *jus cogens*, хотя непонятно, на каком основании региональный суд по правам человека провозглашает такой императивный статус, обязательный для всех государств мира. В свою очередь, Международный суд ООН примерил на себя роль волшебника: при ответе на вопрос, что делать с государственностью тех островных стран, которые исчезают и исчезнут в результате климатических изменений, суд решил, что на картах границы этих государств должны остаться неизменными, а это в экстремальном варианте приведет к ситуации физического отсутствия территории, но ее юридического наличия на географических картах. То есть даже если государство физически исчезает, Международный суд повелевает ему существовать на карте вечно, даруя бессмертие.

Интересно, что сейчас большинство судей МС ООН уже составляют представители из стран так называемого третьего мира. В этом проявляется тенденция, получившая в литературе название деколонизации этого суда. В 1945 году при принятии Статута МС ООН было введено негласное правило о том, что пять мест в постоянном Международном суде будут всегда заняты судьями из государств, являющихся постоянными членами Совета Безопасности ООН, т.е. Россия, Китай, Великобритания, Франция и США. Это правило жестко выполнялось вплоть до начала XXI века. Первой своего места в МС ООН лишилась Великобритания, потом Россия. Сейчас большинство судей в МС ООН — выходцы из развивающихся стран. Да, они получили образование в основном на Западе, но при этом все же ориентированы на защиту своих государств. В таких условиях позиция, выраженная в Заключении по климату, представляется вполне логичной и объяснимой.

— Международный уголовный суд стал довольно часто упоминаться в новостях. Как Вы оцениваете его деятельность?

— Да, к этому суду у государств и академического сообщества накопилось много вопросов, один из которых — негативная роль этого суда при политическом урегулировании любого конфликта. Если ознакомиться с проектом Стамбульских соглашений 2022 года об урегулировании конфликта между Россией и Украиной, то они предусматривали отзыв всех исков, поданных сторонами во все международные суды и трибуналы. Но проблема в том, что ни Украина, ни Россия не могут единолично или совместно подать требование о прекращении рассмотрения дела МУС на основании заключения мирного договора. Это похоже на институт уголовных дел публичного обвинения, которые нельзя прекратить по желанию потерпевшего или в связи с договоренностью обвиняемого с потерпевшим. Получается, что даже если стороны зафиксируют это условие в мирном соглашении, то МУС вовсе не обязан его реализовать. Пока интерес представляют попытки Израиля прекратить преследование этим судом первых лиц Израиля путем оспаривания юрисдикции МУС по израильскому делу. Как показывает опыт этой страны, чтобы оспаривать решения МУС, государству вовсе не обязательно быть участником Римского статута или признавать его юрисдикцию.

Надо сказать, что недавно Венгрия первой из стран ЕС заявила о выходе из Римского статута и приняла

Loaded: 09-10-2025 AMt 04:58:09

соответствующий закон. Это произошло после официального визита премьер-министра Израиля в эту страну и негативной реакции на это со стороны МУС, который обвинил Венгрию в умышленном отказе исполнить выданный МУС ордер на арест. На выход из Римского статута дается год, так что уже к лету 2026 года Венгрия станет первой европейской страной, которая официально вышла из соглашения о Международном уголовном суде. О чем это говорит? С точки зрения права есть позиция МУС, который считает, что иммунитеты первых лиц не действуют в отношении государства, даже если это государство не является стороной Римского статута, потому что Международный суд представляет интересы всего мирового сообщества. Но практика государств, в том числе и стран — участников Статута, показывает совершенно иной подход. Так, Швейцария неоднократно заявляла о готовности беспрепятственно принять у себя первых лиц России и Украины для проведения переговоров, несмотря на ордеры на арест, выданные МУС. Монголия очень грамотно обосновала в МУС свое право принять с визитом Президента России и не исполнить ордер МУС. Кроме того, есть другие государства, которые считают позицию МУС ошибочной. Все больше голосов раздается о том, что Международный уголовный суд занимает абсолютно неконструктивную позицию, не основанную на практике государств.

— Сейчас много говорят о том, что ООН отжила свое. Что Вы думаете о реформе ООН, о возможном расширении Совета Безопасности ООН?

— Во-первых, когда говорят о кризисе ООН, надо вспомнить о том, что по большому счету она никогда не действовала так, как было задумано в 1945 году ее отцами-основателями. То есть, если мы исходим из того, что был первоначальный план, а жизнь пошла совсем по-другому, этот кризис фактически наступил с самого начала создания организации. Задумка была в том, что мир будет под управлением «пяти шерифов» — пяти членов Совета Безопасности, чтобы мир был безопасным и стабильным. Причем изначально речь шла о тройке (Великобритания, США, СССР), а потом о пятерке за счет добавления Франции и Китая. Предполагалось чуть ли не совместное патрулирование вооруженными силами этих стран по всему миру, а также создание общих военных баз. Но этого не случилось, так как практически сразу между странами возникли разногласия. Потом началась холодная война. Кроме того, с середины 1960-х годов в Генеральной Ассамблее устойчивое большинство принадлежит развивающимся государствам, и их влияние в ООН растет. Думаю, что лет через десять этот процесс деколонизации в ООН завершится полностью. Для принятия решения Генеральной Ассамблеей, в том числе по поводу обращения с запросом в МС ООН, достаточно простого большинства. Островком прошлого в глазах Глобального Юга[1] остается Совет Безопасности ООН, при этом статус России как постоянного члена СБ ООН — по-прежнему один из серьезных активов, доставшихся нам от СССР. Но в Совете нет, например, Индии, Бразилии, поэтому рассматриваются варианты его расширения среди прочего за счет увеличения числа постоянных и непостоянных членов, по ограничению или изменению правил применения права вето постоянными членами, чтобы избежать блокирования решений Совета. Но никто не хочет превратить этот орган в «новгородскую ярмарку» или «дворянское собрание» с постоянной сменой участников. Я бы исходил из того, что страны Глобального Юга нацелены сохранить этот инструмент международного влияния, но уже под своим контролем. Иными словами, речь идет не об упразднении СБ ООН, а о перехвате в нем рычагов управления.

Если и говорить о текущем кризисе ООН, то это финансово-бюджетный кризис, вызванный решением президента США Дональда Трампа остановить выплаты ежегодных взносов в ООН, а они самые большие по размеру (в 2023 году взнос США составил примерно 13 млрд долл. США, или четверть всего бюджета ООН). Другие страны пока не готовы компенсировать эти затраты. В данном случае Трамп нашел слабое и уязвимое место ООН в виде зависимости от взноса США, рассматривая Организацию именно как инвестиционный проект, который в той или иной форме должен обеспечивать возвратность инвестиций (в отличие от демократов, которые в этом случае руководствовались больше идейными соображениями). Такой незнакомый для ООН подход администрации Трампа грозит сворачиванием многих программ и массовыми увольнениями сотрудников ООН.

[1] К странам Глобального Юга относятся государства Азии, Африки и Латинской Америки. — *Прим. ред.*

Loaded: 09-10-2025 AMt 04:58:09

— Получается какая-то односторонняя зависимость от США международных организаций? Смогут ли они продолжить работу в такой ситуации?

— Думаю, какое-то решение будет найдено. Например, в свое время США нашли уязвимость в деятельности неугодного им Апелляционного органа ВТО в виде назначения его членов путем консенсуса. Начатое США блокирование назначения новых членов Апелляционного органа по мере окончания полномочий действующих привело к тому, что этот орган по факту прекратил свою деятельность в 2019 году. То есть сегодня этот орган существует на бумаге, но в любой момент, если США поменяют свою позицию, его работа может быть возобновлена. Но при этом из ВТО никто не выходит, и США в том числе не выйдут, так как работа этой организации строится на принципе консенсуса, что дает США, да и какой угодно стране возможность блокировать принятие любого решения или просить от других стран что-то взамен.

Несмотря на организационные сложности в Органе по разрешению споров (ОРС) ВТО, государства продолжают обращаться в ВТО с жалобами на действия других стран. Так, Российская Федерация в мае 2025 года обратилась с жалобой против Европейского союза, оспаривая принятый ЕС Механизм трансграничного регулирования углеродных выбросов. То есть возможности, которые эта организация предоставляет, используются государствами в полной мере, и говорить о том, что ВТО переживает некий кризис системы разрешения споров, неправильно. Не работает только апелляционная инстанция, но страны уже научились обходиться и без нее.

— Интересно, что ведь в некоторых случаях принцип консенсуса вроде бы работает довольно долго и устойчиво. Первое, что приходит в голову, — это Евросоюз. Там тоже много решений принимается на базе принципа консенсуса, и както они умудряются договориться и справиться с этими разногласиями. Какими механизмами это достигается?

— Это не совсем так. В области экономики, единого рынка у них все решения уже давно принимаются большинством. Это всех устраивает, потому что позволяет избежать необходимости достижения консенсуса в отношении повседневных вопросов. Для понимания: массив законодательной деятельности ЕС — это 10 тысяч нормативных актов в год. Именно поэтому сейчас юристы по праву ЕС разделились на узкие отрасли специализации, как, например, конкурентное право Европейского союза и др. Единогласно в ЕС принимаются решения по очень узкому кругу вопросов, например о приеме новых членов, а также решения в сфере общей внешней политики (например, о введении санкций против третьих стран или о продлении уже принятых односторонних ограничительных мер). Здесь действительно позиция одной страны — члена ЕС, например Венгрии, может оказаться решающей.

— Не можем не спросить о санкциях. Как их следует оценивать с точки зрения доктрины международного права?

— Это, конечно, непростая тема. Сегодняшняя позиция России заключается в том, что одностороннее применение таких мер без санкции Совета Безопасности ООН недопустимо. Эту же позицию занимают Китай и большинство стран Глобального Юга, заявляя, что односторонние санкции противоречат международному праву. Но есть страны Запада, Европы (США, Канада, Австралия, страны ЕС и т.д.), где право принимать односторонние ограничительные меры в отношении других государств закреплено на уровне законов как часть внешнеполитического инструментария этих стран. Поэтому, к сожалению, говорить о том, что в международном праве существует норма, запрещающая санкции, не приходится. Но как нет универсальной договорной или обычной нормы, запрещающей санкции, так же нет и договорной или обычной нормы, их разрешающей. Страны Запада пытаются сослаться на некую общую норму международного права, допускающую эти меры воздействия на другое государство, но такой нормы нет ввиду жесткой оппозиции стран Глобального Юга. Думаю, она и не появится в ближайшее время.

— Актуальным стал вопрос признания и исполнения арбитражных решений за рубежом. Можно привести в пример недавнее дело суда в Германии, который отказался признавать ре-

Loaded: 09-10-2025 AMt 04:58:09

шение МКАС при ТПП. Как Вы оцениваете эту ситуацию?

— Я не специализируюсь на вопросах признания и исполнения решений международных коммерческих арбитражей, но хотелось бы сказать несколько слов об исполнении решений инвестиционных арбитражей, рассматривающих споры между инвесторами и государствами. По этому вопросу за последнее время появилось много интересной статистики. Практика показывает, что государства, как правило, стараются уклониться от добровольного исполнения арбитражных решений, несмотря на их обязательный характер, и это должны понимать все инвесторы. Добровольное исполнение арбитражных решений в инвестиционном арбитраже скорее исключение, а не правило. Государства всегда стараются использовать любую процессуальную возможность для оспаривания или приостановки арбитражного решения, процессы длятся по несколько лет. Потом начинается сложный процесс принудительного обращения взыскания на имущество государства в тех юрисдикциях, где инвестор нашел имущество государства-ответчика (а это имущество надо еще найти), и на этом этапе инвестор-взыскатель может столкнуться с парадоксальной ситуацией. При разработке Конвенции МЦУИС[2] явно недостаточное внимание было уделено вопросам иммунитетов государства от обращения взысканий на имущество, т.е. эти вопросы в Конвенции не решены должным образом, поэтому исполнить решения инвестиционного арбитража крайне затруднительно. В итоге значительная часть этих решений исполняется путем заключения мирового соглашения, где суммы существенно меньше, а часто предусматривается замена денежной выплаты предоставлением государственных облигаций или прав на реализацию какого-то проекта. В этом отношении практика государств является лучшим показателем эффективности норм международного права.

— Как Вы оцениваете будущее принципа нерушимости границ? Сейчас границы выглядят де-юре застывшими, несмотря на то что де-факто они меняются. Как долго может продолжаться такое странное положение дел?

— Некоторое время в доктрине существовало представление о том, что принцип нерушимости границ — это один из десяти принципов международного права, причем многие представители доктрины исходили из того, что все эти принципы императивные. Это означало, что любой договор, который противоречит этим принципам, будет считаться ничтожным. В свое время мой учитель Григорий Иванович Тункин предупреждал, что не все принципы носят когентный характер. Понятно, что государства всегда могут договориться об изменении их границ. Самый очевидный пример — процесс делимитации границы России и Китая, в ходе которого произошел обмен некоторыми территориями. Таким образом, говорить о том, что этот принцип носит императивный характер и границы даже договором изменить нельзя, не приходится. Государства всегда могут договором зафиксировать другую реальность, например продав часть своей территории. Предложение Дональда Трампа купить Гренландию вполне себе могло быть реализовано при согласии Дании. То есть в международном праве нет абсолютного запрета на изменение границ.

— Можно ли в таких случаях получить признание изменения границ со стороны ООН? Кажется, не было таких прецедентов?

— На это, конечно, потребуется время, но, думаю, это возможно. Давайте вспомним, что границы ГДР были зафиксированы и признаны не сразу, на это потребовалось 30 лет. Но времена поменялись, и в итоге в 1975 году были подписаны документы, которые заложили основу порядка, просуществовавшего еще 15 лет. В этот период ГДР стала полноценным государством с признанными границами, была членом ООН, участвовала в Олимпиадах и т.д.

— Складывается впечатление, что сейчас многие страны ставят национальное право выше международного, не исполняют международные обязательства, не признают решения международных судов. Можно ли говорить, что международное право переживает кризис?

— Говорить о кризисе международного права было бы сильным преувеличением. Во-первых, междуна-

[2] Вашингтонская конвенция 1965 г. о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами (вступила в силу 14.10.1966).

Loaded: 09-10-2025 AMt 04:58:09

родное право настолько расширилось, что произошла его департаментализация на отдельные отрасли. Появились специалисты по морскому, воздушному, инвестиционному международному праву, как я уже говорил, право ЕС теперь тоже изучается в качестве отдельного направления. В этих отраслях происходит много интересного и динамичного, и какое-нибудь событие воспринимается отраслевыми специалистами как гораздо более значимое, чем вопросы реформы СБ ООН или применения силы. Массив эмпирического материала настолько велик, что требует полного погружения в определенную тематику, а время универсальных специалистов по международному праву безвозвратно уходит.

Во-вторых, если говорить о кризисе международного права, то можно вести речь о кризисе неких концепций. В свое время была очень популярна концепция конституционализма в международном праве, появившаяся в 1990-х годах. Предлагалось рассматривать Устав ООН как Конституцию, Международный суд ООН — как Конституционный суд, Совет Безопасности — как некий прообраз международного правительства, а Генеральную Ассамблею — как международный парламент. Эта идея пользовалась поддержкой в академическом сообществе, были написаны сотни книг, тысячи публикаций. Но жизнь показала, что эта идея находится в глубоком кризисе.

Можно также сказать, что некий кризис переживают сложившиеся представления о праве государства на самооборону. Изменения происходят и в рамках подхода к толкованию норм международного права, а также к оценке практики государств, необходимой для идентификации обычаев. Традиционно за основу принимались позиция и практика западных стран. Они доминировали в общем дискурсе международного права. Комиссия международного права ООН, когда обобщала практику государств по каким-то вопросам, по большей части брала за основу практику развитых стран. Сейчас уже не так. К сведению принимаются подходы других стран мира, Латинской Америки, Африки, их голос начинает учитываться все чаще.

Я не вижу в этих изменениях ничего плохого. Международное право живет и остается эффективным только тогда, когда принимает в расчет актуальную практику всего международного сообщества государств.

Loaded: 09-10-2025 AMt 04:58:09